

Тан Шэнь чувствовал, что в этот раз справился неплохо, примерно так же, как и в прошлый. Хотя этот экзамен для десятки избранных длился целый день, на сей раз обошлось без «химических атак». Тан Шэнь чувствовал себя бодрым и свежим. Сытно пообедав, он лег спать, готовясь к завтрашнему второму туру. Разумеется, он и не подозревал, что в управе уезда Усянь Цзя Ляншэн, едва завершив проверку работ на экзамене управы, сразу же отыскал среди груды экзаменационных листов именно его свиток.

— «Наследуя благочестие предков во благо будущих поколений, благородный муж чтит родных своих, и не суждено рухнуть девятирусной пагоде...»

Цзя Ляншэн, чиновники от образования и инспекторы обступили стол, вглядываясь в экзаменационную работу Тан Шэня. Изучив два сочинения-багу и одно стихотворение на заданную тему, Цзя Ляншэн произнес:

— Он умело ссылается на каноны, а идея весьма самобытна. Слог кажется сдержанным, но в нем чувствуются последовательность и прочная основа. Полноценный шедевр. Стихотворение на заданную тему тоже вышло недурным. Сегодня Тан Шэнь написал стихотворение в стиле багу, где начало и конец гармонично связаны воедино, вот только изяществом слога оно уступает его работе на уездном экзамене.

Чиновник от образования добавил:

— Работа более чем достойная, но уже не столь поразительна, как на уездном экзамене.

Цзя Ляншэн кивнул в знак согласия.

Когда проверка завершилась и лучшие работы отобрали в одну стопку, Цзя Ляншэн вынес решение:

— В этот раз высшую оценку за сочинение-багу разделим: одну отдадим Тан Шэню из управы Гусу, вторую — Ян Чжифаню из уезда Усянь. Что же касается стихотворения на заданную тему, то здесь превзошел всех Лю Юн из уезда Усянь, ему положен высший балл. А вот касательно первого места в списке — аньшоу...

На экзамене управы первый тур также считался самым важным, остальные четыре были чистой формальностью, так что судьба кандидатов решалась фактически в первый день.

Цзя Ляншэн долго вглядывался в три оставшиеся работы.

— Все трое хороши по-своему, трудно выбрать лучшего, — наконец произнес он. — Однако, если Тан Шэнь в этом году возьмет малое тройное первенство на начальном экзамене, это станет красивой легендой для нынешнего выпуска.

Взмахнув кистью, Цзя Ляншэн вывел пять иероглифов: «Тан Шэнь из управы Гусу».

Сам Тан Шэнь еще не знал, что сдал лишь первый тур, а звание аньшоу уже у него в кармане.

Он прилежно отсидел на экзаменах еще четыре дня. Через неделю вывесили списки. Тан Шэнь надеялся войти хотя бы в первую десятку, но, к своему изумлению, вновь обнаружил свое имя во главе списка.

И это был не просто лучший результат уездного уровня. Стоило выдержать экзамен управы — и ты шоуцай. Это был аньшоу среди шоуцаев!

Тан Шэнь остолбенело созерцал свое имя, пока взволнованная Тан Хуан дергала его за рукав.

— Неужели я и правда непризнанный гений? — пробормотал он про себя. — В прошлой жизни я налегал на физику, математику и химию, а литература вечно тянула меня вниз. И вот, проучившись всего год, я опять первый?

О своем «чите» в виде абсолютной зрительной памяти он, разумеется, предпочел благополучно забыть.

Ни Яо Сань, ни Тан Хуан понятия не имели, что такое физика с математикой, но для них все было предельно ясно.

— Мой брат действительно самый лучший!

— Молодой хозяин и вправду занял первое место!

Тан Шэнь уже и сам начал сомневаться — уж не скрытый ли он в мирской суете универсальный гений, одинаково одаренный и в точных науках, и в словесности?

— Эх, коль небо одарило талантом, он найдет применение; растратишь тьму золотых — они вернутся снова! — вздохнул он. — Раз уж я такое сокровище, пора бы и моему золотишку вернуться. Счетовод Линь, давай-ка обсудим повышение тарифов на перевозки.

Из Академии Цзыян в экзамене управы участвовали трое учеников, и, на удивление, прошли все трое.

Сунь Юэ вообще ни на что не надеялся. Увидев свою фамилию на самой последней строчке, толстяк чуть не сошел с ума от радости и вовсю орал, что ставит угощение.

— Завтра в полдень в Тереме Цяньцю! Жду всех соучеников!

Тан Шэнь показал ему большой палец:

— Шикуешь!

Сунь Юэ со смехом отмахнулся:

— Да ладно тебе, первый в списке Тан! Я эти два дня сам не свой от счастья. Я стал шоуцаем! Кто бы мог подумать, что я, Сунь Юэ, получу это звание в пятнадцать лет. Видимо, я тоже гений.

Тан Шэнь подумал, что эти слова звучат как-то подозрительно знакомо.

— Ты и правда собираешься завтра угощать в Тереме Цяньцю всех соучеников? — спросил Тан Шэнь.

— А то! И ты обязательно приходи, налаживай связи. Предупреждаю: сейчас ты для многих как бельмо на глазу. Если хочешь спокойно провести ближайшие два месяца в Академии Цзыян, завтра ты просто обязан явиться.

Тан Шэнь усмехнулся:

— С чего это я бельмо на глазу? Что я такого натворил?

Сунь Юэ вытаращил глаза:

— Что натворил? Ты хоть понимаешь, что значит занять первое место два раза подряд?

— И что же?

— Это значит, что на предстоящем через два месяца окружном экзамене ты с огромной вероятностью снова окажешься первым!

— Ты так сильно во мне уверен?

— Пфф, при чем тут моя уверенность? Окружной экзамен — это тебе не уездный и не экзамен управы. Там будет сдавать добрая половина учеников нашей Академии Цзыян. Каким бы одаренным ты ни был, Тан Шэнь, ты учишься без году неделя, куда тебе тягаться с опытными книжниками. Но поскольку ты уже дважды стал первым, если ты напишешь работу сносно и среди остальных не окажется какого-нибудь неоспоримого гения, уездный начальник Цзя наверняка присудит победу тебе, чтобы подарить миру новое малое тройное первенство.

— И так тоже можно? — Тан Шэнь и не подозревал, что в древней экзаменационной системе существовали подобные негласные правила.

— Ну, лично с меня хватит, — вздохнул Сунь Юэ. — Теперь я шоуцай, и матушка не станет пилить меня ближайшие пять лет. На окружной экзамен я не возлагаю никаких надежд, так, схожу ради опыта. В отличие от тебя. Тебе придется попотеть, будущий обладатель тройного первенства Тан!

На самом деле звание аньшоу Тан Шэня ничуть не заботило — он не страдал перфекционизмом коллекционера, и два первых места уже превзошли все его ожидания. К последнему этапу начального экзамена — окружному туру — он относился прохладно. Будь ты хоть трижды первым, на провинциальном экзамене все равно придется сидеть в тесной одиночной кабинке наравне с остальными.

Никаких особых наград за это не полагалось, так к чему рвать жилы? Главное — просто сдать!

На следующий день Тан Шэнь пришел в Терем Цяньцю. Хотя Сунь Юэ и собирался созвать всех товарищей по учебе, явились далеко не все.

В Академии Цзыян большинство составляли выходцы из бедных семей, богатых же учеников было едва ли половина от их числа. На этот раз поддержать Сунь Юэ пришли в основном его приятели из состоятельных семей. Юноши из бедных семей заняли всего два стола, сели особняком и не вступали в общую беседу.

Стоило гостям наесться и выпить, как молодые ученые мужи из управы растеряли всю свою напускную важность и мало чем стали отличаться от обывателей, принявшись бахвалиться напропалую.

Один из богатых шоуцаев обратился к нему:

— Тан Шэнь, дважды первый в списке — мои поздравления! Наша управа Гусу — это тебе не какая-то глушь, у нас тут воздух пропитан книжной мудростью, да и среди выходцев из простонародья немало будущих первых лауреатов-чжуанюаней. В нашей Академии Цзыян три раза подряд лучшие результаты на начальных экзаменах показывали юноши из бедных семей. Так что на окружном экзамене через два месяца ты уж постарайся постоять за нашу честь!

Тан Шэнь с улыбкой ответил:

— Хоть выбор и не за мной, уверен, что каждый из присутствующих выложится на окружном экзамене без остатка. В такие моменты остается лишь делать все, что в твоих силах, а остальное предоставить воле небес.

— Золотые слова: делать все, что в твоих силах, а остальное предоставить воле небес! — воскликнул молодой господин из семьи Ван, что жила в восточной части города. — Тан Шэнь, а правда ли поговаривают, что ты ученик Великого ученого Ляна?

Тан Шэнь и сам не заметил, как этот слух разлетелся по всей управе Гусу. Он вроде бы не хвастался на каждом углу, откуда же все узнали?

Если бы об этих слухах узнал Лян Сун, он наверняка вышвырнул бы нерадивого ученика из своего кабинета.

Впрочем, стоило вспомнить, что Тан Шэнь при каждом удобном случае в своих торговых делах ссылался на имя Лян Суна, стремясь выжать из этого родства всю возможную выгоду. При таком подходе даже слепцу было очевидно, что их связывают далеко не простые отношения!

— Да, я ученик Господина Ляна, — подтвердил Тан Шэнь.

Ван-шоуцай почтительно сложил руки:

— О, как же мы тебе завидуем!

Кто-то из присутствующих добавил:

— Мой двоюродный брат служит в управе, так вот он рассказывал, будто Великий ученый Лян в последние месяцы почти не бывает в управе Гусу — то и дело уезжает по делам в Цзиньлин. Интересно, к чему бы это? Неужели грядут перемены и Великий ученый Лян покинет нашу управу Гусу?

Для любого другого назначение на пост главы управы Гусу было бы величайшим благом. Однако при той славе и влиянии, какими обладал Лян Сун, он вполне мог занимать ключевой столичный пост в Шэнцзине, так что его отправка в Гусу выглядела скорее как почетная ссылка.

Тан Шэнь не хотел раскрывать планов своего учителя — к тому же они с Лян Суном никогда не вели подобных разговоров. Он решил промолчать и просто уткнулся в свою тарелку.

— Эй, не выдумывай чепухи, — вмешался Ван-шоуцай. — Гусу — родные края Великого ученого Ляна, с чего бы ему уезжать без веской причины? Мои домашние говорили, что Великий ученый Лян ездит в Цзиньлин ради другого дела. Все из-за Господина Чжуна, великого ученого, который томится в темнице вот уже двадцать пять лет!

В Великой Сун царили свободные нравы, а к книжникам относились с величайшим снисхождением. Еще во времена основателя династии, Тай-цзу, был издан особый указ: «Не казнить мужей ученых!».

Поэтому, когда Ван-шоуцай завел разговор о государственных делах, никто не стал его предостерегать — напротив, все с оживлением подхватили тему.

— Господин Чжун провел за решеткой уже четверть века? Мне тогда было всего пять лет, а ныне я уже перешагнул тридцатилетний рубеж... Как же быстро все меняется.

— Двадцать пять лет невзгод, а Господин Лян так и не забыл старого друга. Столь верный и преданный дружбе человек поистине достоин служить примером для всех нас, ученых мужей.

Очутившись в этой эпохе, Тан Шэнь общался в основном с Тан Хуан, Яо Санем, Госпожой Тан да Лян Суном. Учитель никогда не заводил с ним разговоров о политике, ведя себя во время занятий как самый обыкновенный наставник, пекущийся лишь о знаниях своего ученика. А остальные и подавно не стали бы делиться с ним подобными вещами.

<http://bllate.org/book/18292/1754449>